

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08

Внутренняя Азия как периферия двух империй, или Парадоксы политического воображения

Алексей Викторович МИХАЛЁВ

доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова», ул. Смолина, д. 24а, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, 670000
E-mail: mihalew80@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7069-2338

ЦИТИРОВАНИЕ: Михалёв А.В. Внутренняя Азия как периферия двух империй, или Парадоксы политического воображения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 134–147.
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08

Статья поступила в редакцию 25.03.2022.
Исправленный текст представлен 04.04.2022.

АННОТАЦИЯ. В представленной статье проанализирована динамика геополитического воображения границ Внутренней Азии. Термин «Внутренняя Азия» возник в XIX в. как синоним термину «Центральная Азия». Однако в середине XX в. под влиянием нового международного порядка и холодной войны он приобрел другое содержание. В этой работе мы попытались проанализировать динамику изменений границ Внутренней Азии в восточковедном дискурсе за последние 70 лет. Был изучен ряд ключевых дефиниций региона, появившихся в XX в. и находящихся во взаимосвязи с изменениями политической конъюнктуры. Также была систематизирована информация об основных исследовательских институтах по изучению этого пространства. В ходе исследования помимо границ региона внимание привлек-

ли и его аскриптивные политические атрибуты. В результате была выявлена особая роль культурно-цивилизационного фактора в процессе формирования геополитического воображения и, соответственно, представлений о регионе. В итоге были выделены наиболее непротиворечивые критерии, позволяющие дать логичное определение Внутренней Азии. В границы этого фронтального региона можно включить Монголию, китайские регионы, Автономный район Внутренняя Монголия, Тибетский автономный район, Дунбэй (историческую Маньчжурию), а также российские регионы (Республику Алтай, Республику Бурятия, территорию Бурятского Усть-Ордынского округа в составе Иркутской области, Забайкальский край и Республику Тыва). Подобный подход к пониманию термина «Внутренняя Азия» делает

ее масштабным фронтиром, на территории которого происходят экономические и культурные обмены между Россией, Монголией и Китаем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Внутренняя Азия, периферия, геополитическое воображение, регион, ландшафт, кочевники, фронтир, границы.*

О том, что такое Внутренняя Азия, каковы ее границы, ученые спорят еще с XIX века. Очевидно одно: термин возник для описания кочевой и полукочевой периферии двух империй – России и Цин [подробнее см. Горшенина, 2019]. В результате многочисленных дискуссий эта категория получила как географическую, так и культурно-историческую дефиницию, которые совершенно не совпадают по своим границам в пространстве и времени. Сложности дискуссии добавляет и полное отсутствие понятия «Внешняя Азия». Тем не менее вокруг изучения Внутренней Азии сформированы и профессиональные сообщества, и учебные курсы, и научные журналы как гуманитарного, так и естественно-научного профиля. Сегодня существует множество определений, зачастую устаревших и неприменимых при анализе современности. Это феномен, требующий переосмысления, особенно в контексте реалий XXI в.

Для востоковеда или политолога пространство Внутренней Азии интересно своей периферийностью, основанной на сложном смешении историко-культурного наследия кочевничества, последствий социалистической индустриализации и на своеобразии местных политических институтов. Но в этом и заключается основной парадокс: большинство экспертов в XX в. говорили о периферийности Внутренней Азии и одновременно с этим описывали ее как хартленд [Sinor, 1990,

р. 1–18]. Для этого они радикально переосмыслили данную Х. Маккиндером изначальную трактовку хартленда как ключевого региона, определяющего ход мировой истории [Mackinder, 1904]. Таким образом, политическое воображение представляло этот регион и центром, и периферией.

По одной из версий, термин «Внутренняя Азия» – *Inner-Asien* – был введен в оборот Александром фон Гумбольдтом. Но в его трудах встречалась некоторая терминологическая путаница между *Central-Asien* и *Inner-Asien* [Горшенина, 2019]. К нашему времени Внутренняя Азия приобрела и политические коннотации, согласно которым в этом регионе в силу историко-культурных особенностей сильны традиции парламентской государственности. Всё это свидетельствует о том, что в центре внимания – категория, созданная и развитая сугубо европейским пространственным воображением, несмотря на то, что она хорошо натурализовалась в самой Азии. И в представленной работе будет прослежена генеалогия понятия «Внутренняя Азия» именно в англо-американской и российской традициях исследований этого региона. Выбор подобного фокуса обусловлен тем, что развитие изучаемого нами термина пришлось на период холодной войны. В итоге для того, чтобы содержание основного концепта стало более ясным, становится важным выделить из большинства дефиниций некие общие черты. Другой задачей этого исследования является попытка проанализировать способ воображения периферии посредством иерархической категоризации азиатского региона.

В хронологическом плане исследование ограничено второй половиной XX – началом XXI в. Дело в том, что дискуссия о терминах «Центральная Азия» и «Внутренняя Азия» в политическом контексте XIX – начала XX в.

уже хорошо изучена. Однако влияние холодной войны и нового мирового порядка на содержание географического воображения к себе внимания не привлекали. В период холодной войны сформировалась геополитическая картина мира, где регион Внутренняя Азия получил особый геополитический статус. Его содержание заново переосмысливалось многочисленными специалистами по национальным перифериям в КНР и СССР. Эта картина мира в течение последних 70 лет неоднократно трансформировалась, однако базовые представления об окраинах азиатского мира, сформированные в 1950–1960-е годы, остаются актуальными и по сей день.

В методологическом плане исследование опирается на теорию географического воображения региона. Наиболее значимыми для понимания модели географического воображения региона стали работы М. Тодоровой [Тодорова, 1997], С. Горшениной [Горшенина, 2019], В. Тольц [Тольц, 2013], В. Колосова [Колосов, Зотова, 2015], Д. Замятина [Замятин, 2004]. Внутренняя Азия – это термин политико-экономического содержания, именно поэтому данное исследование сфокусировано на геополитическом и цивилизационном содержании, а не на анализе культуры и истории. Опираясь на традицию изучения географического воображения, мы рассматриваем политические контексты и экспертные дискурсы, в рамках которых складывалось представление о Внутренней Азии. В центре нашего внимания находятся геополитические дискурсы, определяющие границы Внутренней Азии, историко-политическое содержание этого региона. Согласно В.А. Колосову, «...геополитический дискурс синтезирует некоторую информацию о международных делах или политической ситуации в привязке к территории. Геополитический дис-

курс чаще всего инициируют и поддерживают СМИ, обычно обслуживающие интересы определенных групп элиты» [Колосов, Зотова, 2015, с. 170].

Итак, эмпирической базой исследования стали тексты специализировавшихся на исследованиях политики в данном регионе востоковедов. Речь идет об английских, американских и современных российских регионалистах, поскольку в СССР термин «Внутренняя Азия» в академических гуманитарных публикациях не употреблялся. Однако возникает вопрос: почему тексты именно востоковедов? Изучение политики в Азии в период холодной войны зачастую было напрямую продиктовано геополитическими задачами. Более того, именно в этот период наиболее активно шел процесс осмысления Азии в категориях геополитики – первоначально экспертным сообществом, а впоследствии и журналистами. Это и обусловило выбор фокуса исследования.

Второе рождение термина «Внутренняя Азия»

Немало фундаментальных исследований посвящено проблеме того, как использовался термин «Внутренняя Азия» в конце XIX – начале XX в. Несомненно одно: в тот период он смешивался с понятием «Центральная Азия», и терминологическая путаница, порожденная А. фон Гумбольдтом, продолжалась достаточно долгое время [Горшенина, 2019]. Новое содержание термин получил в 1950-е годы. Это связано с двумя ключевыми событиями, определившими дизайн нового регионального порядка. Первое событие – международное признание в 1945 г. Монгольской Народной Республики, а второе – провозглашение в 1949 г. Китайской Народной Республики. Оба го-

сударства в тот момент входили в идеологическую орбиту СССР. Характеризуя этот период, С.Г. Лузянин отмечает: «Международно-правовые “нестыковки” статуса МНР были окончательно ликвидированы решениями Ялтинской конференции союзников (февраль 1945 г.), итогами советско-китайских переговоров в Москве в 1945 г. и монгольским референдумом с последующим признанием его результатов Чан Кайши в 1946 г. Треугольник “СССР – МНР – Китай” приобрел законченную на тот период форму с полным международно-правовым оформлением монгольского статуса» [Лузянин, 2021, с. 144]. Здесь же нужно сказать, что на протяжении всей первой половины XX в. на национальных окраинах бывших империй (Цин и России) шел процесс национально-государственного строительства. Региональный порядок менял свою конфигурацию раз в двадцать лет, а вместе с ним изменялись и границы национально-государственных образований. Всё это способствовало нагромождению и без того немалого багажа нерешенных геополитических проблем, с которыми треугольник «СССР – Монголия – Китай» подошел к началу холодной войны.

В 1946–1950 гг. американский востоковед Оуэн Латтимор предпринял одну из первых послевоенных попыток переосмыслить термин «Внутренняя Азия»: «Под этим определением понимается северный, но не южный Иран, и западная, но не восточная Маньчжурия. Большая часть Внутренней Азии либо касается советской границы в Азии, либо стоит по обе стороны от нее – самой длинной границы в мире, простирающейся от Турции до Кореи. Тибет, расположенный далеко от России, – заметное исключение из этого правила. Важная характеристика – Внутренняя Азия политически в большинстве сво-

ем не ограничивает пределы территорий, населенных народами, отличающимися друг от друга языком, экономической деятельностью, социальной организацией и типом групповой лояльности, основанной на чувстве родства. Эти границы разделяют родственные народы и подчиняют их разным политическим суверенитетам» [Lattimore, 1953, p. 17]. В это же время Оуэном Латтимором были начаты два масштабных исследовательских проекта: *Inner Asia Frontier Area Studies* и *Nationalism in Asia* [Гольман, 2004, с. 169]. Эти программы были реализованы при сотрудничестве специалистов из трех ведущих университетов США: Гарварда, Стэнфорда и Колумбийского. Однако в 1950 г. О. Латтимор был обвинен сенатором Дж. Маккарти в шпионаже в пользу СССР. Несмотря на то, что Латтимор в итоге был оправдан, его исследовательская программа была свернута, а он сам ушел со всех административных должностей [Гольман, 2004, с. 44–45].

В условиях уже начавшейся холодной войны и масштабной угрозы широкого распространения в Азии марксизма в США и Великобритании возник повышенный интерес к изучению Востока. Изучение Азии в США стало финансироваться на основании статьи VI «Закона об образовании в интересах национальной обороны», принятого в 1958 г. [Гольман, 2004, с. 175]. В центре внимания, согласно традиции, заложенной еще О. Латтимором, оказались прежде всего так называемые проблемные регионы советско-китайского приграничья. В это время возник вполне объяснимый запрос на геополитику и на опыт колониальных администраторов, который мог быть использован при анализе политических процессов.

Одним из таких экспертов был британский геополитик сэр Олафом Кэро, написавший подробный очерк о конфронтациях во Внутренней Азии

[Caroe, 1969]. Бывший колониальный чиновник О. Кэро пишет о возрастающей угрозе от тоталитарных политических систем в Азии [Caroe, 1969, p. 221]. Подробно разбирая новый региональный порядок в Азии, он отмечает, что именно Внутренняя Азия заслуживает самого пристального внимания. Его интеллектуальное влияние было столь велико, что распространилось не только в Великобритании, но и в США [подробнее см. Brobst, 2005]. В результате именно в англосаксонских странах сложилось особое направление в изучении Внутренней Азии, выводящее на первый план геополитическую проблематику. Концепция «колодцев силы» Кэро привлекла внимание руководства Пентагона [Brobst, 2005]. В итоге категориальный аппарат геополитики до конца 1980-х годов определял словарь описания изучаемого нами региона [Лузянин, 2021, с. 143].

Параллельно исследовательской программе О. Латтимора была создана комплексная программа по изучению истории Внутренней Азии под руководством Дениса Синора. Первоначально Д. Синор работал в Великобритании, но затем переехал в США. Возглавляемый им коллектив исследователей подготовил несколько работ по истории Внутренней Азии с древнейших времен. Так, в рамках «Кембриджской истории древней Внутренней Азии» Робертом Тааффе были определены границы региона: «Регион Внутренней Азии занимает огромную территорию во внутренних и северных пределах евразийского массива суши и охватывает территорию площадью более восьми миллионов квадратных миль, или примерно одну седьмую часть суши мира. Размеры этого региона с востока на запад простираются примерно на шесть тысяч миль, что чуть более чем в два раза превышает длину максимальной оси север –

юг. Эти расстояния сравнимы с теми, которые преодолевали лишь немногие из самых авантюрных морских судов в европейскую эпоху Великих географических открытий» [Taaffe, 1990, p. 19]. Денис Синор напрямую связывал понятие «Внутренняя Азия» с доминированием кочевников, а не с конкретными географическими границами. По его определению, Внутренней Азией в разное время были Паннония и Малая Азия. Но она всегда оставалась хартлендом [Sinor, 1990, p. 4].

Для второй половины XX в. Внутренняя Азия стала синонимом пространства кочевых цивилизаций. Ее границы также кочевали вслед за народами, создававшими империи и радикально менявшими место своего проживания. Однако при рассмотрении реалий Внутренней Азии второй половины XX в. авторы всё же ограничивались Монголией и азиатскими национальными окраинами СССР, а также некоторыми регионами Китая (Тибет, Внутренняя Монголия, Синьцзян) [Rossabi, 1975].

Внутренняя Азия того времени была зоной соприкосновения советского марксизма и маоизма. После начала советско-китайского конфликта она стремительно милитаризировалась. Большая часть европейских и американских исследований этого периода была тогда посвящена анализу положения кочевых народов в условиях коммунистических режимов. Наглядным примером может служить книга Морриса Россаби «Китай и Внутренняя Азия с 1368 года до настоящего времени», изданная в 1975 г. в Нью-Йорке. Россаби описывает Внутреннюю Азию как пространство, населенное свободолюбивыми кочевыми народами, которые постоянно истребляются оседлыми. В границы региона он вписал Монголию, Маньчжурию, Тибет и Туркестан. По мнению М. Россаби, Внутренняя Азия – это

критическая область, в которой возникают государства кочевников, приводящие к ослаблению оседлых империй [Rossabi, 1975, p. 6].

В итоге Внутренняя Азия стала вообразиться как особый регион внутри сплошь коммунистического окружения. Ему придавалась самостоятельная цивилизационная субъектность, хотя четкие критерии для определения его границ так и не появились. Об этом писали и авторы коллективной работы «Модернизация Внутренней Азии», вышедшей в свет в 1991 г.: «Внутренняя Азия – во времена до модерна малоизвестная страна кочевников и полукочевников – в XX в. оказалась в центре внимания мировой общественности, о чем ясно свидетельствует запутанная борьба за будущее Афганистана, советской Центральной Азии, Тибета и других территорий. Но поскольку Внутренняя Азия как целое разделена политически между несколькими государствами, трудно найти у специалистов в этой области незашоренный взгляд на недавние события. В этой работе регион рассматривается как единое целое, дается обзор его прошлого, анализ настоящего, а также перспектив – общих, а не строго по странам» [The Modernization of Inner Asia, 1991, p. 2].

Подобный подход привлекал внимание к региону (наряду с Африкой) в контексте изучения периферий. При этом основной язык описания Внутренней Азии второй половины XX в. был преимущественно геополитический. Категория хартленда для характеристики этого пространства использовалась почти повсеместно. Но нечеткость границ, доставшаяся в наследство от Гумбольдта, продолжала доминировать. Резюмируя, можно отметить, что Внутренняя Азия в словаре холодной войны – это пространство непосредственного пересечения интересов СССР и Китая в Азии.

Внутренняя Азия и постсоциализм

После окончания холодной войны термин «Внутренняя Азия» распространился в научном и политическом дискурсе в России, Монголии и ряде постсоветских государств Азии. Созданные в университетах Кембриджа, Индианы и Гарварда исследовательские комитеты по изучению региона получили возможность для проведения полевых исследований. Самостоятельное переосмысление содержания понятия «Внутренняя Азия» в России началось в XXI в., некоторые исследователи стали подразумевать под ним лишь степи Монголии [Honeychurch, 2015, p. 79–108]. В это же время западные исследователи стали отождествлять Внутреннюю Азию с Центральной Евразией [Sinor, 1997, p. 4].

Изменилось и политическое воображение. Так, Стивен Фиш выделил понятие «аномалия Внутренней Азии». Под ним понимается феномен Монголии, отвечающей западным критериям демократии. С Внутренней Азией, с подачи С. Фиша, стали ассоциировать такие атрибуты, как особая склонность к парламентской республике и исторические корни кочевой демократии. С. Фиш вполне определенно возводит генеалогию современных демократических институтов в Монголии к Великому Курултаю времен Чингисхана [Fish, 2001, p. 323–338]. Однако, по его мнению, подобные свойства не могут развиваться в других частях этого региона из-за влияния Китая и России. В итоге Монголия, в терминологии Дж. Буша, стала «бастионом демократии» в авторитарном окружении.

Представления о Внутренней Азии как о некоей цивилизации кочевых империй связаны с именами американских историков Дэвида Кристиана и Никола ди Космо. Опираясь на кон-

цепт «кочевой цивилизации» А. Тойнби, они развивают идею особой внутриазиатской цивилизации. Ди Космо предпринял попытку рассмотреть регион в контексте глобальной истории и проследить взлеты и падения кочевых империй во взаимосвязи с теориями политогенеза. Работа Никола ди Космо является важной попыткой «вписать» регион в мировой исторический процесс [*di Cosmo*, 1999].

Таким образом, в XXI в. политическое воображение Внутренней Азии перешло от осмысления цивилизационной субъектности к изобретению общерегиональной политической культуры. При этом вопрос о границах региона всё еще остается спорным. Так, на сайте Института исследований Внутренней Азии им. Д. Синора при университете Индианы дается следующее определение региона: «Внутренняя Азия, или внутренняя часть евразийского континента, исторически включает в себя цивилизации Центральной Азии, Монголии и Тибета вместе с соседними областями и народами, которые в определенные периоды образывали культурные, политические или этнолингвистические единства с этими регионами. В прошлом в мире Внутренней Азии доминировали скотоводческие кочевые общины большой евразийской степи, и ее история была сформирована взаимодействием этих обществ с соседними оседлыми цивилизациями. В XX в. народы Внутренней Азии находились в пределах границ или сферы влияния либо Советского Союза, либо Китайской Народной Республики. Распад СССР принес независимую государственность и социальные трансформации большей части региона. Сегодня Внутренняя Азия включает в себя пять независимых

центральноазиатских республик: Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан, – Монголию, Внутреннюю Монголию, Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные районы Китайской Народной Республики, а также прилегающие части Афганистана, Пакистана, Ирана, Китая и российской Сибири. Области, имеющие отношение к изучению Внутренней Азии, по этнолингвистическим и историческим причинам включают в себя Татарскую, Башкирскую и Калмыцкую республики России и прародину маньчжуров на северо-востоке Китая»¹.

Это определение характеризует уже устойчивую традицию смешивать понятия «Внутренняя Азия» и «Центральная Азия». Хотя попытки разграничить эти категории на уровне геополитики систематически предпринимаются. Современный американский геополитический дискурс некоторое время приписывал Внутренней Азии атрибут *landlocked* (территориально зажатый, не имеющий выхода к морю). Первоначально эта характеристика применялась только к Монголии, а впоследствии распространилась на весь регион. Однако термин *landlocked* стал столь популярен, что стал распространяться и на Центральную Азию. В итоге терминологический аппарат снова смешался.

Рассуждая о пределах географического воображения, британский ученый монгольского происхождения Урадийн Булаг в вышедшей в 2005 г. работе пишет: «Внутренняя Азия (Монголия, Внутренняя Монголия, Маньчжурия, Синьцзян и Тибет) обычно концептуализируется как “граница” Китая и в большинстве своем фигурирует в воображении историков, изучающих

1 What is Inner Asia? // Sinor Research Institute for Inner Asian Studies. – 2017. – URL: <https://sinor.indiana.edu/about/what-is-inner-asia/index.html> (дата обращения: 10.02.2022).

империю Цин (1644–1911), в то время как ее связи с Россией, европейскими и другими странами, как правило, игнорируются так же, как и ее значимость для постцинского Китая и современного мира» [Bulag, 2005, p. 1]. Разбирая противостояние специалистов по Внутренней Азии, Центральной Евразии, Восточной Азии и Центральной Азии, У. Булаг отмечает, что, несмотря на многочисленные пересечения профессиональных интересов, принадлежность к одному из этих сообществ напрямую влияет на способ понимания региона.

Явным исключением из общей тенденции периферизации региона является работа А.С. Железнякова «Монгольский полюс политического устройства мира», в которой автор рассматривает Монголию как ядро Внутренней Азии. А.С. Железняков считает Внутреннюю Азию отдельным мировым полюсом и равноправным субъектом в системе мировых цивилизаций [Железняков, 2009, с. 18]. Однако определение региона он дает согласно Ю.Н. Рериху. Эта дефиниция, несомненно, гораздо ближе к современным политическим реалиям, нежели какая-либо иная: «...не имеющую внешнего стока область Внутренней Азии ограничивают с юга могучие Трансгималаи и унылые высокогорья Каракорума. К северу простираются Алтай и горные цепи южной окраины сибирской низменности. К востоку и западу от этого огромного бессточного бассейна лежат бесконечные пустынные просторы великой монгольской Гоби и степей средней Азии» (цит. по: [Железняков, 2009, с. 18]).

Итак, в XXI в., говоря о Внутренней Азии, многие исследователи подразумевают преимущественно Монголию как «демократический хартленд» и сопредельные с ней территории России и Китая. Конкурирующая система

координат Центральной Азии при всей масштабности охвата всё чаще вытесняет Монголию за свои пределы. Исходя из сказанного выше, мы можем предположить, что Внутренняя Азия – это некая совокупность периферийных, в прошлом кочевых и полукочевых территорий, объединенных на основе некоего общего цивилизационного фундамента. При этом попытки объединить в единое целое Тибет и Афганистан выглядят малообоснованными.

В поисках новых критериев региона

Термин «Внутренняя Азия» в постсоветский период получил широкое распространение в России. Институционально проблематикой региона занимались исследовательский центр «Внутренняя Азия» в Иркутске и Институт Внутренней Азии в Улан-Удэ. В 2017 г. в Институте востоковедения РАН был создан Международный центр социологических и политологических исследований Внутренней Азии. По данной региональной тематике издается несколько научных журналов, систематически проводятся конференции. Однако во всем этом многообразии по-прежнему сохраняется «родовая травма» дефиниции региона. Проанализировав большой контент востоковедных текстов, написанный в России с 1991 по 2021 г., я попытаюсь выделить универсальные черты, характерные для описания Внутренней Азии.

Первый и, наверное, базовый критерий региона заключается в том, что Внутренняя Азия – это кочевая периферия (в ряде случаев фронт) двух империй: Российской и Цин. Подобная характеристика вновь отсылает к Гумбольдту, создателю этого термина в XIX в. Применительно к совре-

менности более релевантно говорить о наследии кочевого уклада и о постномадизме [Humphrey, Sneath, 1999]. Хотя именно хозяйственно-экономический критерий больше всего способствовал размыванию границ региона, которые, по меткому замечанию Д. Синора, кочевали вслед за народами [Sinor, 1990, p. 3].

Второй критерий – культурно-цивилизационный – в большей степени был разработан Н.В. Абаевым. С этой точки зрения Внутренняя Азия – это регион пересечения культурного влияния шаманизма (тэнгрианства) и тибетского буддизма [Абаев, 2011]. В этой ситуации от локации достаточно логично отсекаются мусульманские регионы. Становится более очевидной роль Тибета как духовного центра, а также Внешней Монголии как политического центра в регионе. Важным атрибутом политической культуры здесь являются теократические лидеры – буддистские перерожденцы и шаманы.

Третий критерий – один из наиболее сложных и спорных – это письмо [Henze, 1956, p. 29–51]. Для Внутренней Азии традиционными типами письма являлись старомонгольское и его позднейшие вариации, а также тибетское письмо, более распространенное в буддистских духовных центрах региона. Подобный подход к пониманию региона характерен для лингвистов, специализирующихся на текстовой культуре, ареал распространения которой в большей степени относятся к народу и племенам, нежели к административным или географическим границам. Критерий традиционной письменности встречается у целого ряда исследователей, именно поэтому игнорировать его нецелесообразно, хотя современная Внутренняя Азия – это зона распространения русского или китайского как основных языков межкультурной коммуникации.

На основании выделенных критериев можно попытаться локализовать пределы современной Внутренней Азии. В границы этого фронтального региона можно включить Монголию, китайские регионы: Автономный район Внутренняя Монголия, Тибетский автономный район, территорию Дунбэя (историческую Маньчжурию), – а также российские регионы: Республику Алтай, Республику Бурятия, территорию Бурятского Усть-Ордынского округа в составе Иркутской области, Забайкальский край и Республику Тыва.

Для геополитического воображения Внутренняя Азия – это сложный регион хотя бы потому, что его пространство – это Монголия и полиэтничные приграничные окраины России и Китая, на территории которых распространены буддизм и/или шаманизм. С учетом историко-культурной специфики этого фронта становится более очевидным интерес западных геополитиков к этому хартленду: он обусловлен этническим и культурным многообразием, позволяющим строить политические конструкции, приписывая особые атрибуты в стиле С. Фиша [Fish, 2001].

Здесь же нужно отметить, что в отечественной физической географии сложилось сходное понимание Внутренней Азии: «Пределы Внутренней Азии протягиваются от Алтая, Саура и Тарбагатая, Джунгарского Алатау, восточных хребтов Тянь-Шаня на западе до Большого Хингана на востоке. С севера территорию ограничивают горные сооружения Юга Сибири, начиная от хребтов Южного и Юго-Восточного Алтая, Западного Саяна, Сангилена, до Тункинских Гольцов, Хэнтэя, Борщовочного хребта. В качестве южной границы Внутренней Азии можно рассматривать хребты Куньлуна, Алтынтага, Бэйшаня, Наньшаня, Ала-

шаня и Иныпая. В таком понимании площадь Внутренней Азии составляет 4 066 100 км² (9,4 % площади всей Азии), протяженность по долготе – 3 600 км (от 75°30' до 120°50' в. д.), по широте – 2 000 км (от 34°10' до 52°00' с. ш.), длина границ – 13 600 км» [Чистяков, 2001, с. 9].

Однако географические определения, несмотря на видимую объективность, всё же слабо коррелируют с геополитическими представлениями, формируемыми востоковедами. Для последних на первом месте находится историко-культурный фактор, используемый в результате как для политической мобилизации, так и для нужд управления. В этом контексте Внутренняя Азия вполне определенно представляется как продукт не географического, а политического воображения, актуализированный в период холодной войны в связи с задачами переосмысления субъектности приграничных регионов СССР и КНР.

Заключение

Термин «Внутренняя Азия» в современном его содержании является «продуктом» дебатов в среде востоковедного сообщества XX в. Он стал актуальным после возникновения Ялтинско-Потсдамской системы международного порядка [Лузянин, 2003], в рамках которой Монголия получила международное признание как суверенное государство. Внимание зарубежных востоковедов к «красному поясу» в Азии привело к переосмыслению пространства, населенного кочевыми народами, как геополитического хартленда. Парадоксально, что, говоря языком геополитики, эксперты отмечают его стратегическое значение, однако при экономическом анализе указывают на его периферийность.

Именно геополитическое воображение в XX в. позволило развести синонимичные понятия «Внутренняя Азия» и «Центральная Азия». Попытки ввести в оборот термин «Центральная Евразия» взамен «Внутренней Азии» привели лишь к тому, что для последней стали разрабатываться более четкие критерии. Необходимо сказать, что большой вклад в их разработку внесли отечественные географы, не включенные в геополитические споры востоковедов и политологов. В итоге термин вполне устоялся в политической географии и, несмотря на релятивизм У. Булага, можно сказать, что Внутренняя Азия – это вполне операциональный геополитический конструкт, получивший цивилизационное содержание [Bulag, 2005].

Тем не менее нами была предпринята первая попытка разобраться с границами Внутренней Азии. Несомненно, что другие способы воображения этого региона также имеют право на существование. Пределы этого региона определены как прежний российско-цинский фронтир, населенный кочевыми народами, исповедующими буддизм или шаманизм. В некотором смысле это пространство за Ивовым палисадом, то есть кочевья монголов вплоть до тибетского Кукунора, а также земли Маньчжурии и Даурии. При этом роль Тибета в культурном влиянии на регион исторически всегда была велика, поэтому его также следует включать в пространство Внутренней Азии.

Список литературы

Абаев Н.В. Внутренняя Азия – колыбель евразийской цивилизации // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 4. – С. 163–171.

Гольман М.И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества).

50-е – середина 90-х годов XX века. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2004. – 334 с.

Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой / Перевод с французского М.Р. Майзульса. – Вашингтон : Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – VIII, 119 с.

Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – Москва : Институт социологии РАН, 2009. – 272 с.

Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 349 с.

Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира между российскими гражданами: почему Россия не Европа // Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 170–186.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 годах. – Москва : Огни, 2003. – 320 с.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // Восток / Oriens. – 2021. – № 5. – С. 141–152. – DOI: 10.31857/S086919080016633-3.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва : НЛО, 2006. – 248 с.

Тольц В.В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. – Москва : НЛО, 2013. – 336 с.

Чистяков К.В. Ландшафты Внутренней Азии: динамика, история и использование: дис. ... докт. геогр. наук. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2001. – 269 с.

Brobst P. The Future of the Great Game: Sir Olaf Caroe, India's Independence, and

the Defense of Asia. – Akron : University of Akron Press, 2005. – 199 p.

Bulag U.E. Where is East Asia? Central Asian and Inner Asian Perspectives on Regionalism // The Asia-Pacific Journal. – 2005. – Vol. 3, N 10. – P. 1–7.

Caroe O. Problems of power confrontation in Inner Asia // Journal of The Royal Central Asian Society. – 1969. – Vol. 56, N 3. – P. 221–228.

Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // Journal of World History. – 1999. – Vol. 10, N 1. – P. 1–40.

Fish S.M. The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective // Communist and Post-Communist Studies. – 2001. – Vol. 34, N 3. – P. 323–338.

Henze P.B. Politics and alphabets in Inner Asia // Journal of The Royal Central Asia Society. – 1956. – Vol. 43, N 1. – P. 29–51.

Honeychurch W. The Heartland of Inner Asia: Mongolia and Steppe Pastoral Nomadism // Inner Asia and the Spatial Politics of Empire. – New York : Springer, 2015. – P. 79–108.

Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia. – Cambridge : White Horse Press, 1999. – 368 p.

Imagining Asia(s): Networks, Actors, Sites / Aciri A., Ghani K., K Jha M., Mukherjee S. (eds.). – Singapore : ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2019. – 438 p.

Lattimore O. The New Political Geography of Inner Asia // The Geographical Journal. – 1953. – Vol. 119, N 1. – P. 17–30.

Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23, N 4. – P. 421–437.

Rossabi M. China and Inner Asia: From 1368 to the present day. – New York : Pica Press, 1975. – 320 P.

Sinor D. Inner Asia: History, civilization, languages: a syllabus. – London : Curzone press, 1997. – 261 p.

Sinor D. Introduction: the concept of Inner Asia // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. – London : Cambridge University Press, 1990. – P. 1–18.

Taaffe R. The geographic setting // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. – London : Cambridge University Press, 1990. – P. 19–40.

The Modernization of Inner Asia / Black C.Y. [et al.]. – London : Routledge, 1991. – 424 p.

Todorova M. *Imagining the Balkans*. – New York : Oxford University Press, 1997. – P. 257.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08

Inner Asia as the Periphery of Two Empires, or the Paradoxes of the Political Imagination

Alexey V. MIKHALEV

Doctor of Political Science, director of Centre of political transformation studies
Buryat State University, Smolina Street, 24a, Ulan-Ude, Russian Federation, 670000
E-mail: mihalew80@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7069-2338

CITATION: Mikhalev A.V. (2022). Inner Asia as the Periphery of Two Empires, or the Paradoxes of the Political Imagination. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 134–147 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.03.08

Received: 25.03.2022.

Revised: 04.04.2022.

ABSTRACT. *This article studies the dynamics of geopolitical imagination of Inner Asian borders. This concept originated in the 19th century as a synonym for Central Asia. However, the new international order and the cold War in mid-20th century changed its meaning. The article is an attempt to analyze changes of Inner Asian borders in the Oriental discourse over the past 70 years. The article contemplates key definitions of the region that appeared in 20th century in response to changes in*

the political situation. Information on the main research institutes studying this territory has been systematized. The focus was not only on the very borders of the region yet also on regional ascriptive political attributes. The study has revealed the special role of the cultural and civilizational factor in the formation of the geopolitical imagination and, accordingly, ideas on the region. As a result, optimal consistent criteria were identified. We propose our own logical definition of Inner Asia based on these criteria.

This frontier region comprises Mongolia, the Chinese regions: the Inner Mongolia, the Tibetan Autonomous Region, the territory of Dongbei (historical Manchuria), as well as the Russian regions: the Republic of Altai, the Republic of Buryatia, the territory of the Buryat Ust-Ordynsky District within the Irkutsk Region, the Zabaykalsky Krai and the Republic of Tyva. This approach to understanding Inner Asia makes it a large-scale frontier space, where many economic and cultural exchanges between Russia, Mongolia and China take place.

KEYWORDS: *Inner Asia, periphery, geopolitical imagination, landscape, nomads, frontier, borders.*

References

- Abaev N.V. (2011). Inner Asia – the cradle of the Eurasian civilization. *Novye issledovaniya Tuvy*, no. 4, pp. 163–171 (in Russian).
- Brobst P. (2005). *The Future of the Great Game: Sir Olaf Caroe, India's Independence, and the Defense of Asia*. Akron : University of Akron Press, 199 pp.
- Bulag U.E. (2005). Where is East Asia? Central Asian and Inner Asian Perspectives on Regionalism. *The Asia-Pacific Journal*, vol. 3, no. 10, pp. 1–7.
- Caroe O. (1969). Problems of power confrontation in Inner Asia. *Journal of The Royal Central Asian Society*, vol. 56, no. 3, pp. 221–228.
- Chistyakov K.V. (2001). *Landscapes of Inner Asia: dynamics, history and use*. St. Petersburg : St. Petersburg State University, 259 pp. (in Russian).
- Di Cosmo N. (1999). State Formation and Periodization in Inner Asian History. *Journal of World History*, vol. 10, no. 1, pp. 1–40.
- Golman M.I. (2004). *Mongolian studies in the West (centers, personnel, societies) 50s – mid 90s of the XX century*. Moscow : Institute of Oriental Studies RAS, 334 pp. (in Russian).
- Gorshenina S.M. (2019). *The invention of the concept of Middle / Central Asia: between science and geopolitics*, Washington : Central Asian Studies Program, George Washington University, 119 pp. (translation into Russian from French).
- Fish S.M. (2001). The Inner Asian anomaly: Mongolia's democratization in comparative perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 34, no. 3, pp. 323–338.
- Henze P.B. (1956). Politics and alphabets in Inner Asia. *Journal of The Royal Central Asia Society*, vol. 43, no. 1, pp. 29–51.
- Honeychurch W. (2015). The Heartland of Inner Asia: Mongolia and Steppe Pastoral Nomadism // *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire*. New York : Springer, pp. 79–108.
- Humphrey C., Sneath D. (1999). *The End of Nomadism? Society, State and the Environment in Inner Asia*. Cambridge : White Horse Press, 368 pp.
- Imagining Asia(s): Networks, Actors, Sites* (2019). Aciri A., Ghani K., K Jha M., Mukherjee S. (eds.). Singapore : ISEAS – Yusof Ishak Institute, 438 pp.
- Kolosov V.A., Zotova M.V. (2015). Geopolitical vision of the world between Russian citizens: why Russia is not Europe. *Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 170–186 (in Russian).
- Lattimore O. (1953). The New Political Geography of Inner Asia. *The Geographical Journal*, vol. 119, no. 1, pp. 17–30.
- Luzyanin S.G. (2021). Russia – Mongolia – China: historical and modern transformations. *Vostok / Oriens*, no. 5, pp. 141–152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3 (in Russian).
- Luzyanin S.G. (2003). *Russia – Mongolia – China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911–1946 years*. Moscow : Ogni – 320 pp. (In Russian).

Mackinder H.J. (1904). The geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4, pp. 421–37.

Miller A.I. (2006). *The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research*. Moscow : NLO, 248 pp. (in Russian).

Rossabi M. (1975). *China and Inner Asia: From 1368 to the present day*. New York : Pica Press, 320 pp.

Sinor D. (1997). *Inner Asia: History, civilization, languages: a syllabus*. London : Curzone press, 261 pp.

Sinor D. (1990). Introduction: the concept of Inner Asia. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. London : Cambridge University Press, pp. 1–18.

Taaffe R. (1990). The geographic setting. *The Cambridge History of Early In-*

ner Asia. London : Cambridge University Press, pp. 19–40.

The Modernization of Inner Asia (1991). London : Routledge, 424 pp.

Todorova M. (1997). *Imagining the Balkans*. New York : Oxford university press, 257 pp.

Tolts V.V. (2013). “Russia’s Own East”: *Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period*. Moscow : NLO, 336 pp. (in Russian).

Zamjatin D.N. (2004). *The power of space and space of power: geographical images in politics and international relations*, Moscow : ROSSPEN, 349 pp. (in Russian).

Zheleznyakov A.S. (2009). *The Mongolian Pole of the Political Structure of the World*. Moscow : Institute of Sociology RAS, 272 pp.